

КУЛЬТУРА ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)*

Аннотация: В современных условиях меняются контуры того пласта военно-политических отношений, который предназначен и реализуется для исключения попыток деструктивных сил нанести ущерб военными средствами существованию мирового сообщества. В данной статье представлен социально-философский анализ диалектики общего – процессов глобализации и особенного – национальных культур военной безопасности.

Ключевые слова: вооружённые конфликты, глобализация, культура военной безопасности [1], миропорядок, процессы глобализации, субъекты военно-политической практики.

Позиция рационально мыслящих отечественных и зарубежных учёных и политиков представляется убедительной в том, что к началу XXI-го столетия картина социального бытия человечества приобрела новый вид, и её абрис продолжает динамично меняться [2]. Обращает на себя внимание и тот факт, что в военно-политических отношениях стали превалировать две тенденции, к сожалению, не дополняющие, а взаимоисключающие друг друга. С одной стороны, очевиден интерес к созданию механизмов всеобъемлющего управления планетарными процессами по недопущению войн и вооружённых конфликтов, а с другой – проявляется ярко выраженное, устойчивое стремление к доминированию в эпоху глобализации одной сверхдержавы – США.

В содержании мирового философского и военно-политического дискурсов по проблемам мироустройства в третьем тысячелетии, по суждению автора, постепенно, но всё обстоятельней, оформляется доминанта о встроенности культуры военной безопасности в рамки процессов глобализации. В современной литературе нет пока ещё однозначного ответа на данное утверждение, и, если говорить о том, что сделано философами и представителями других научных направлений для его нахождения и обоснования, то, к сожалению, здесь имеются достаточно скромные результаты [3].

Как представляется, в разрешении этой задачи наиболее понятным и продуктивным может выступить социально-философский анализ диалектики общего и особенного. Логично предположить, что в качестве первой части парной

категории следует рассматривать процессы глобализации, а второй – развитие национальных культур военной безопасности.

Спору нет, в данном случае *общее* достаточно чётко отражает стремление различных стран принять участие в военно-политических процессах глобализации с соблюдением для каждой из них своих интересов. В то же время, *особенное* предполагает, ко всему прочему, ещё и учёт естественно-исторического развития государственных образований и соблюдение их суверенитета. Другими словами, «символ всеобщего» представляет собой не столько изменения в движении людей и вещей, сколько способ идентификации событий и явлений субъектами военно-политической практики. При этом традиционные взгляды в сфере защиты и обороны, характерные для локальных обществ и наций с различным менталитетом радикально интерпретируются, их место занимает иной подход, заметно отличающийся от прежних контекстов. К тому же, по мысли Н.Я. Веретенникова, и с этим следует согласиться: «... начинают «работать» изменившиеся духовные, в том числе, ценностно-нравственные единящие принципы» [4; 130].

На первый план, хотя достаточно медленно и неуверенно, а, если быстро, то не всегда адекватно реалиям, выдвигается сознательная ориентированность ряда военно-политических «игроков» и их деятельности на всеобщие нормы, принципы и парадигмы.

Нетрудно обнаружить, что в современных условиях это накладывает свой отпечаток на функционирование национальных культур военной безопасности. Как утверждает С.Б. Шинёв: «... процессы глобализации, несомненно, привносят немало нового как в количественно-качественные характеристики устойчивости и жизнеспособности современных обществ, так и в содержание и пути обеспечения их военной безопасности» [5; 622].

Сказанное выше, требует принципиально важного пояснения, которое заключается в двойственном значении «символа всеобщего» по отношению к явлению, заявленному в теме статьи. С одной стороны, что касается политики глобализации, правомерно соотносить и со всеми «игроками» военно-политических действий, у которых при этом не должна возникать потребность в отходе от своей индивидуальности и своеобразия.

* © Вершилов С.А.

С другой – процессы глобализации в военной области более не предстают локальным (частным), а выступают общим достоянием.

Подобное, разумеется, вполне естественно и необходимо. Вместе с тем, логика разума подсказывает, что в мозаике планеты контур культурной составляющей военной безопасности оказывается менее радужным. Но это ещё не всё, поскольку его крайне негативное проявление особенно отчётливо становится заметным тогда, когда дело касается независимости той или иной страны. Собственно говоря, как раз процессы глобализации наносят ощутимый ущерб «краеугольному камню» Вестфальского мира [6; 230-235] – национальному государственному суверенитету. В каком ракурсе решать данную проблему: в соответствии с логикой абсурда, как до недавнего времени поступали и поступают США? Или действовать, как справедливо полагает В.С. Овчинский: «... осмысленно, коллективно, используя все инструменты политики, экономики, разведки и, в последнюю очередь, военный потенциал?» [7; 467].

Вне всякого сомнения, последнее видится явно привлекательнее, но, к сожалению, практика свидетельствует об обратном. Основанием такого утверждения выступают направления, по которым процессы глобализации оказывает своё влияние на качество и самодостаточность культуры военной безопасности.

Например, сегодня глобализация не предполагает лобового давления на проведение внутренней и внешней политики государств, оно, скорее, опосредованно. Вместе с тем, не стоит оставлять без внимания тот факт, что «символ всеобщего» подтачивает «кровеносную» основу государственных образований – социокультурную идентичность, аккумулирующую историческую память и реализующую потребность в самосохранении. В этом смысле достаточно весомый ряд процессов глобализации влияет на обострение её кризиса вообще, и культуры военной безопасности – в частности.

Логично утверждать, планетарные демография, информатизация, стандартизация, ценностная универсализация и иные обстоятельства постоянно наталкиваются на национальную идентичность культур военной безопасности как на препятствие своему естественному развитию. Кроме того, её можно сравнить с центральным ядром, которое хранит и оберегает устоявшиеся, накапливавшиеся порой тысячелетиями, а потому наиболее прочные представления этносов о самих себе.

Поэтому не случайно продолжают вооружённые конфликты, исход которых зависит от надёжности или рыхлости сложившихся национальных устоев, их бескомпромиссности и жё-

сткости. И, напротив, противоборство только что непримиримых «игроков» можно нейтрализовать, если проявить гибкость и способность к адаптивному изменению, обновлению без утраты сильных сторон культур военной безопасности.

Нельзя не заметить также эрозию военно-политических институтов многих государств. С одной стороны, в ходе интеграционных взаимодействий они передают ряд своих функций наднациональным органам. С другой – эти процессы являются лишь отражением растущего могущества транснациональных структур, влияние которых превосходит возможности любого отдельно взятого государственного ведомства, чья практика связана с военной сферой. Не подвергается сомнению, регулирование деятельности подобных конструкций в рамках отдельно взятого государства зачастую оказывается бессмысленным.

Однако, вряд ли правильно предсказывать полное исчезновение национальных государств. Скорее следует ожидать, что они будут постепенно утрачивать функции носителей суверенитета, безопасности и включаться в иерархическую вертикаль военно-политических отношений.

Неправомерно обходить вниманием и то, что в условиях информационной открытости мирового сообщества появляется широкая возможность выбора, а это бросает вызов как отдельным индивидам, так и целым сообществам.

В числе последних оказывается и национальное государство, культурное ядро которого размывается. Его подменяют глобально узнаваемые символы, которые рождает общее пространство информации и коммуникаций.

В такой ситуации увеличение количества террористических акций во всём мире, включая развитые страны Запада, предстаёт одним из ответов на угрозы культурного глобализма через утверждение «осязаемых» этнокультурных ориентиров идентичности.

Отсюда явствует, глобализация стремится переkreить накопленные традиции и обычаи, «размазать» в своих процессах, и, тем самым, предлагает, своего рода, квалификационный турнир на проверку их стойкости и жизнеспособности.

Реакция на такой вызов, как правило, выражается в подъёме национализма и сепаратизма, а теперь уже и вооружённого пиратства (например, в Сомали) в рамках национальных сообществ, а также их дроблением на более мелкие, то есть субнациональные. Последние, в свою очередь, крайне слабо подвержены контролю и управлению, что накладывает глубокий отпечаток не только на господствующие традиции и ценностные ориентации, но и на взаимоотношения в области культуры военной безопасности.

Вывод здесь очевиден – кризис националь-

ной идентичности, эрозия военно-политических институтов, лавинообразное увеличение объёма и скорости информационных потоков обуславливают трансформацию суверенитета государств далеко не в лучшую сторону.

Таким образом, процессы глобализации размывают классические национальные отношения, но, вместе с тем, способствуют подъёму самосознания малых народов, поддерживая тенденцию к увеличению числа субъектов военно-политической практики.

Кроме того, принцип самоопределения, вплоть до отделения, применяемый к национальным меньшинствам многонациональных государств, ведёт к росту количества недееспособных политических образований. Одновременно обостряется кризис национальной идентичности уже устоявшихся сообществ, в том числе, таких как Германия, Франция, США и Россия. Всё это серьёзно влияет на проблемы обеспечения как национальных культур военной безопасности, так и региональных и международной.

Анализ отечественной и зарубежной научной военно-политической литературы убеждает в том, что осталась одна сверхдержава, которая продолжает заявлять претензии о ведущей роли на планете в военной области и положении своеобразной глобальной империи в наступившем тысячелетии.

Эти притязания откровенно сформулировал З. Бжезинский: «Цель политики США должна без каких-либо оправданий состоять из двух частей: ... закрепить собственное господствующее положение... и создать геополитическую структуру, которая будет смягчать неизбежные потрясения и напряжённость. Успех, достигнутый в этом деле, надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы» [8; 254].

Борьба против международного терроризма придала новый импульс имперской геостратегической инициативе Соединённых Штатов. Однако это проявление активности, с большой долей вероятности, имеет шанс остаться в истории в качестве великой геополитической утопии XXI века (по крайней мере, его первых десятилетий). Дело не только в историческом опыте, что производимые в прошлом попытки в создании глобальных империй – от римской и британской до «тысячелетнего рейха» и «победы коммунизма во всём мире» под эгидой СССР – претерпевали неудачи. Суть в том, что палитра современной картины мира совсем иная, и, как справедливо подчёркивает Б.Н. Кузык: «...не только потому, что существует около 230 самостоятельных государств и территорий с разнообразными и подчас противоречивыми интересами, но и потому, что имеется несколько

ко центров ... силы, которые не пойдут послушно в фарватере американской политики» [9; 38-39]. Речь, прежде всего, идёт о локальных цивилизациях – китайской, индийской, российской, японской, мусульманской, латиноамериканской и других, имеющих свои собственные интересы.

Поэтому неправомерно обходить вниманием формирование цивилизаций четвёртого поколения, которые являются ответом на унифицирующие попытки Запада предложить миру систему своих ценностей культуры военной безопасности. Иными словами, некорректно и непродуктивно навязывать своё особенное тому общему, что составляет канву сбережения человечества.

Именно о такой негативной форме военно-политических взаимодействий достаточно сущностно и содержательно размышляет М. Блюменталь: «Жизнь, лишённая трансцендентного проекта, волей-неволей ограничивается существованием «здесь и теперь», и потому старается сделать это существование как можно более приятным и комфортным» [10; 53]. Логика мышления подсказывает, подобный подход на практике гарантировано приводит в «социально-философский и военно-политический тупики».

Было бы также ошибочным полагать (вслед за А.А. Зиновьевым), что время цивилизаций прошло, и они будут поглощены глобальным сверхобществом [11; 24]. Напротив, в XXI веке военно-политические отношения, выбор между возможностью войны или диалога и партнёрства будут определять судьбу человечества. С большой долей вероятности можно утверждать, что именно здесь будет проходить оселок (стержень) глобальной культуры военной безопасности первого столетия нынешнего тысячелетия.

Вне всякого сомнения, началом крушения однополярного мира и очередным «водоразделом» в развитии национальных культур военной безопасности было положено событиями в США 11 сентября 2001 года. Последовавшая за этим антитеррористическая операция коалиции только ускорила данные процессы, и выступила мощным импульсом становления нового мирового порядка. Здесь следует отметить, по прошествии многих лет с достаточной определённой остались инкогнито как реальные исполнители страшных терактов, так и их организаторы.

Вместе с тем, является непреложным: за совершёнными преступлениями стоят не абстрактные, а реальные силы культуры смерти и агрессии. Именно они предприняли попытку проверить на прочность американоцентричный подход планетарного жизнеустройства, и, кроме того, доказать опрометчивость претензий США на глобальное первенство в наступившем тысячелетии.

Как бы там ни было, но это им вполне уда-

лось. Лавры первенства, на которые рассчитывала Америка, и, как казалось, вполне обоснованно, не стали для мирового сообщества истиной в последней инстанции. Чувствительный удар был нанесён многим системам национальной безопасности Соединённых Штатов: внешней разведке, внутренней безопасности, защите авиалиний. А военное могущество сверхдержавы, что и произошло на самом деле, также обнажило изъяны, поскольку не справилось с обеспечением безопасности мирных граждан в центре Нью-Йорка и Вашингтона от нанесения ударов группой террористов.

Нетрудно обнаружить, что по внешним проявлениям это несчастье явилось для США не менее значимым (если не большим!) событием с трагическими последствиями, чем уничтожение флота в Пёрл-Харборе, внеся коррективы в самодостаточность нации.

Спору нет, в последующем потрясённое самлюбие американцев превратилось в сильный катализатор единения народа. Вместе с тем, воспроизведение в сознании людей постулата о военно-политическом субъекте, недоступного для нападков и критики, находящегося в положении «жена Цезаря вне подозрений», эволюционно перестает превалировать как на планете в целом, так и внутри самой страны – в частности.

Неубедительной представляется и позиция ряда исследователей показать в больших, чем на самом деле, размерах прямые последствия терактов 11 сентября 2001 года для придания новой формы мировому сообществу [12]. Логично утверждать, такой подход учёных и политиков явно не способствует нахождению ответа на вопрос о месте и роли субъектов военно-политической практики в мировом сообществе.

Было бы верным полагать, трагические события – это скорее символический пик или точка бифуркации, подготовленные развитием явлений и процессов глобализации в последние десятилетия. Тем не менее, вполне очевидно, что речь идёт о долгосрочных изменениях, весомо оказывающих своё воздействие, в узком смысле слова – на культуру военной безопасности, а в широком – на всю палитру военно-политических отношений.

В современных условиях, когда после сентябрьских событий 2001 года прошло несколько лет, и первые, подверженные эмоциям, суждения сменились более трезвыми и взвешенными оценками, отчётливо проявляется абрис, по крайней мере, двух обстоятельств.

Во-первых, серьёзный кризис существующих – уже постконфронтационных – механизмов культуры военной безопасности, которые в эпоху глобализации, просто-напросто, пробуксовывают в своём функционировании.

Во-вторых, полная непредсказуемость

принципов, параметров и содержания формирующейся новой системы военно-политических взаимодействий. Вместе с тем, в настоящее время достаточно определённо можно согласиться лишь с крахом однополярного мира, то есть системы военно-политических отношений, которая, казалось бы, уже начала формироваться после распада СССР. Если говорить более конкретно, то речь идёт о следующих факторах, подтверждающих крушение старого миропорядка.

Первый. Предложенное гипертрофированным эгоизмом и амбициями США жизнеустройство не может обеспечить эффективную миссию культуры военной безопасности ни в мире, ни в «доме» инициатора, по крайней мере, в ближайшие десятилетия нового тысячелетия.

Второй фактор. Концепция многополюсного мира также не способна быть прочной конструкцией нового мирового порядка, поскольку сентябрьские 2001 года акции убедительно показали не только, что ни один полюс силы не в состоянии защитить себя в одиночку, но и то, что все они одновременно и в одинаковой степени уязвимы. Непрекращающаяся череда вооружённых конфликтов и терактов продолжает оставаться ярким тому подтверждением.

Третий фактор. Механизмы коллективной безопасности СНГ оказались незадействованными, что может привести, с большой долей вероятности, к их окончательной деградации.

Четвёртый фактор. Столь же бесполезным для противодействия важнейшим вызовам XXI столетия оказался и потенциал НАТО. Теперь уже ясно даже руководству альянса: ресурсы организации создавались под совершенно другие военные задачи, нежели борьба с международным терроризмом, вооружённым пиратством и иными угрозами современности.

Пятый фактор. События 11 сентября нанесли также мощный удар по Организации Объединённых Наций, которая оказалась не востребовавшей в новой исторической ситуации.

Однако неверно мыслить, что не происходит трудный поиск ценностных оснований военно-политического единения всего мира, которые рождаются, к сожалению, из тревожного ощущения растерянности. Как бы там ни было, но появилась потребность в приобретении умений и навыков признавать различия и способствовать их коммуницированию друг с другом, чтобы противоречия могли институционализироваться, а напряжения культуры военной безопасности – стабилизироваться. «Признание различий – признание других в их инаковости, – как справедливо подчёркивает Н.В. Мотрошилова, – может быть причислено к признакам общей идентичности» [13; 17].

Таким образом, культура военной безопас-

ности преобразуется, не становясь ни лучше, ни хуже – она оказывается другой. Перемены, происходящие в глобализирующемся мире, диктуют необходимость изменения военно-политических отношений. Пытаться не замечать, игнорировать это обстоятельство, либо отказаться от глобализации, повернуть вспять – есть реакционная и весьма деструктивная утопия, «сон в движении к краю пропасти». Как бы там ни было, но всевозможные программы, предусматривающие изоляцию культуры военной безопасности различных государств, следует воспринимать как несостоятельные, ущербные, вредные и даже преступные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Авторское понимание культуры военной безопасности следующее: культура военной безопасности – это пласт военно-политических отношений, предназначенный и реализуемый для исключения попыток деструктивных сил нанести ущерб военными средствами существованию мирового сообщества (если в масштабе страны – то нации, государственного образования).
2. См., например: Блюменталь М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта // Вопросы философии. 2007. № 1. – С. 41-60; Братерский М.В. Мир и Россия сегодня и завтра // Безопасность Евразии. 2007. № 2. – С. 499-500; Злобин Н.В. Второй новый миропорядок: Геополитические головоломки. – М.: Эксмо, 2009. – 320 с.; Мартыненко С.В. Глобализация как новый социально-политический процесс // Безопасность Евразии. 2007. № 4. – С. 504-512; Филатов Т.В. Постмодернистская наука и экзистенциальные перспективы современной цивилизации / Под общ. ред. проф. О.И. Кирикова. Воронеж: ВГПУ, 2008. – 107 с.; Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of America. – New York: 2007; Christopher Layne. Impotent Power? Re-examining the Nature of America's Hegemonic Power // The National Interest. September-October, 2006. – P. 41-47; Hewson M., Sinclair Timothy J. Approaches to Global Governance Theory. New York: 1999; Luard E. The Globalization of Politic. London: 1990 и другие.
3. См., например: Волешко В.С., Лутовинов В.И. Военная политика и военная безопасность Российской Федерации в условиях глобализации / Под общ. ред. А.С. Рукшина. – М.: Воениздат, 2007. – 400 с.; Капто А.С. Природа человека в ракурсе войны и мира // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 3. – С. 179-197; Козлов В.А. Роль военной силы в урегулировании локальных вооружённых конфликтов в условиях глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 6. – С. 252-258; Моздаков А.Ю. Понятие безопасности в классической и современной философии // Вопросы философии. 2008. № 4. – С. 18-25; Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 296 с.; Серебрянников В.В. Природа человека: источник войн или миролюбия. – М.: Научный мир, 2007. – 356 с.; Урсул А.Д., Урсул Т.А. Феномен безопасности в синергетическом ракурсе // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. – С. 222-238.
4. Веретенников Н.Я. Глобальные процессы и проблема индивидуальной идентичности / Личностное самоопределение в русском духовном опыте: функционально-контекстуальный подход. Монография. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. – 176 с.
5. Шинёв С.Б. Новый взгляд на проблему безопасности // Безопасность Евразии. 2005. № 4. – С. 619-623.
6. Вестфальский мир был заключён европейскими державами в 1648 году после кровавой Тридцатилетней войны в Европе. – См. об этом подробнее: Кортунов С.В. Крушение Вестфальского мира и становление нового мирового порядка // Безопасность Евразии. 2007. № 4. – С. 230-260.
7. Овчинский В.С. На пути к «плодотворным садам свободы»? (Пять лет войны с терроризмом) // Безопасность Евразии. 2007. № 4. – С. 459-467.
8. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 412 с.
9. Кузык Б.Н., Ю.В. Яковец. Россия – 2050: стратегия инновационного прорыва. 2-е изд., доп. – М.: Издательство «Экономика», 2005. – 624 с.
10. Блюменталь М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта // Вопросы философии. 2007. № 1. – С. 41-60.
11. См.: Русская цивилизация. – М.: Контакт РЛ, 2000. – 378 с.
12. См., например: Сулов Д.В. Американский фактор и его эволюция // С.А. Караганов (ред.). Мир вокруг России: 2017. Контуры недалёкого будущего. – М.: Культурная революция, 2007. – С. 101-114; Фартышев В.И. 11 сентября и Афганистан // Последний шанс Путина (Судьба России в XXI веке). / В.И. Фартышев. – М.: Вече, 2005. – 480 с.; Christopher Layne. Impotent Power? Re-examining the Nature of America's Hegemonic Power // The National Interest. September-October, 2006. – P. 41-47.
13. Мотрошилова Н.В. Идеи единой Европы: философские традиции и современность // Вопросы философии. 2004. № 12. – С. 14-27.

S. Vershilov

THE CULTURE OF MILITARY SAFETY IN A MIRROR OF A PROCESSES OF GLOBALEZATION (SOCIAL AND PHILOSOFIC ANALYZE)

Abstract: In modern conditions contours of that layer of military political relations, which is intended and realized for an exception of attempts of destructive forces to cause the damage military means to existence of the world community are changed. In given article analyze of dialectics of the general – of a processes of globalization and of special – national cultures of military safety are presented social-philosophical.

Key words: armed conflicts, globalization, culture of military safety, world order, processes of globalization, subjects of military-political practice.